

“‘Inner’ Emigration: Emigrating
without Crossing Borders.”

By Tatiana Neshumova

DMITRII USOV (1896-1943)

1914

1942

Переводчик

Недвижный вечер с книгою в руках,
И ход часов так непохож на бегство.
Передо мною в четырех строках
Расположенье подлинного текста:

«В час сумерек звучнее тишина,
И город перед ночью затихает.
Глядится в окна полная луна,
Но мне она из зеркала сияет».

От этих строк протягиваю нить;
Они даны — не уже и не шире:
Я не могу их прямо повторить,
Но все-таки их будет лишь четыре:

«В вечерний час яснее каждый звук,
И затихает в городе движенье.
Передо мной — не лунный полный круг,
А в зеркале его отображенье».

The Translator

A book in hand, the evening very still —
the clock may move, but hardly at a gallop.
In front of me sits the original:
four lines of verse that are arranged as follows:

“At dusk the calmness is more resonant.
The town falls silent as the light grows dimmer.
A full moon gazes into windowpanes;
it’s in a mirror that I see it shimmer.”

I draw a thread out of these lines of verse;
they are the given — neither less, nor more:
I can’t repeat them word for word, of course —
nevertheless, there will be only four:

“At evening-time all movement stops in town,
and it appears that every sound is clearer.
I see before me not the rounded moon,
but its reflection in a hanging mirror.”

Usov in his office at Academy of Artistic Sciences, GAKhN, 1924.

Usov's handwriting

4

Во вторник 18го XI А.В. имел прощальную беседу с Г.И. Челпановым ("Введение в философию" которого он, оказывается, очень ценит). На просьбу об автографе Г.И. написал Андрею: "Человечеству нужна мораль, а не право."

Последняя ночь в Москве - со вторника 18-го на среду 19-го - была проведена у А.С. Злинки (на Новинском бульваре).

У Челпановых Андреем Владимировичем был прочитан отрывок из автобиографии (выполненный в деликатных тонах "Детства и отрочества"). Я имею его. Вам он пообещал прислать его сам. Пока он посылает Вам вот этот портрет; он очень ценит его, п.ч. он является его "ноуменом", а не "феноменом", каков и должен быть истинный портрет. Об этом портрете Б. Садовской сказал, что напоминает А.В. напоминает римлянина эпохи упадка, готовящегося вскрыть себе жилы... Этот портрет помещен в Нижегородском Педагогическом Музее, в отделе "местных писателей", наряду с портретами В.В. Розанова, Б. Садовского и И. Руквишникова.

МОСКОВСКАЯ ВЕСНА

То были весны над другой Москвой,
Сменявшие совсем другие зимы...
Как был желанен танец снеговой
И лужи под апрельской синевой!
Но оценить тогда их не могли мы,
Доколе не извели печать
Тех лет, чью повесть лучше умолчать.

Но с нами вновь зерно, вода, огонь,
И город заскорузлую ладонь
Устал тянуть за недоступной пищей.
Изглоданный, разграбленный и нищий,
Перевязавший раны инвалид
Со вздохом встал, как жизнь ему велит.
Раскрылась неизбитая тюрьма,
Явилось вновь лицо родного мира,
Согрелись просыревшие квартиры,
Окрасились знакомые дома,
Летит трамвай, сверкнув и прозвеневши,
И вновь мелькают люди – но не мы...

MOSCOW SPRING

Those springs were quite another Moscow's ones,
And followed quite another kind of winters.
How very welcome were the snowflakes' dance,
And puddles filled with April's azure trance!
We didn't know what miracles we witnessed
Until we had experienced the toll
Of the epoch we better don't recall.

But they are back: grain, water, firewood, and
The city's tired of stretching its cupped hand
In search of inaccessible nutrition.
A prey to loot, destruction, and attrition,
The cripple dressed its wounds, and, sighing, tries
To rise up on its feet as life requires.
Our world is back to its primeval form.
The unrelenting prison is uncovered,
Familiar buildings are regaining color,
And dank apartments slowly getting warm.
A tram is running by, with dings and flashes,
The streets fill up with people – but not us...

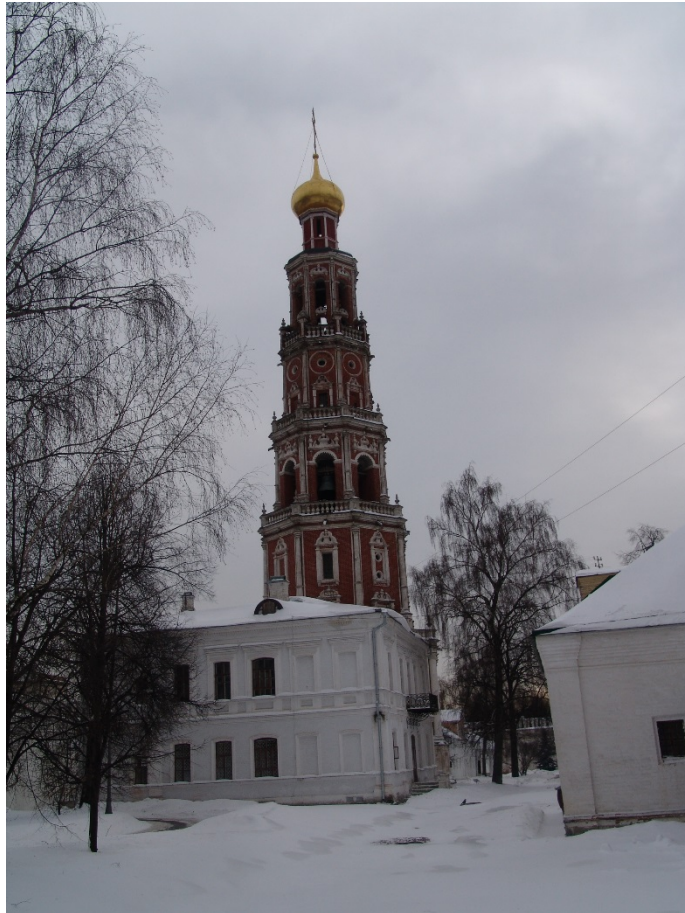
А город, как больной, переболевши,
Приветствует уход седьмой зимы –
Весёлым пеньем петухов горластых,
Теплом дождей, безудержных и частых,
И маковками ярких куполов,
И голосом густых колоколов,
Под утро говорящих об обеднях,
И быстрым лепетом ручьёв последних,
И грохотом сосуллек ледяных...

Но в переулках старых и родных,
Где гложущих садов узорны ветки...
...Лишь комсомолка в клетчатой каскетке –
И в белых, как у девочки, носках,
На чётких и упрямых каблуках
Отщелкивает тротуара плиты.
И пусть дома теплом весны облиты –
Его струит уже не прежний день,
И зацветет не прежняя сирень,
Чтоб окаймить забор лиловым краем,
Не выкатится детское серсо,
Не повернётся Счастья колесо,
И этот Май не станет нашим Маем.

And Moscow, a recuperating patient,
Salutes the seventh winter's closing thus:
With merry singing of the shrill-gorged roosters,
The warmth of rains, so frequent and so ruthless,
And cupolas in brightly polished shells,
And voices of the densely tolling bells,
At dawn reminding of the evening service,
And April currents' rapid farewell murmurs,
And icy pendants' crashing from above...

But in the Moscow alleys, old and loved,
Where even sunny days leave gardens dusky,
A komsomolka in a checkered casquette
And, like a little girl, white cotton socks,
On rigorous and stubborn shoe-heels, knocks
Decisively upon the cobble pavement.
And though the buildings bathe in springtime's heaven,
It's not the former day that spreads the fume,
And not the former lilac tree will bloom
To fringe the fence with violet engraving,
A child's serso won't roll across the lawn,
The Fortune's wheel won't make another turn,
And coming May won't be that May we crave for.

Novodevichii Convent

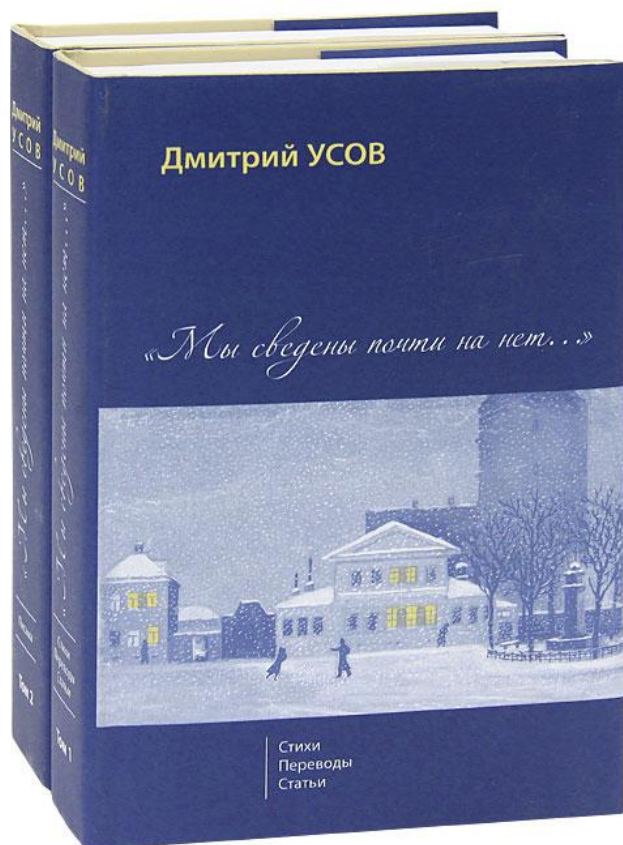
Alisa Gugovna Usova

Usov's Review of Mikhail Lozinskii's translation of a comedy by John Fletcher, an English playwright of the time of Shakespeare

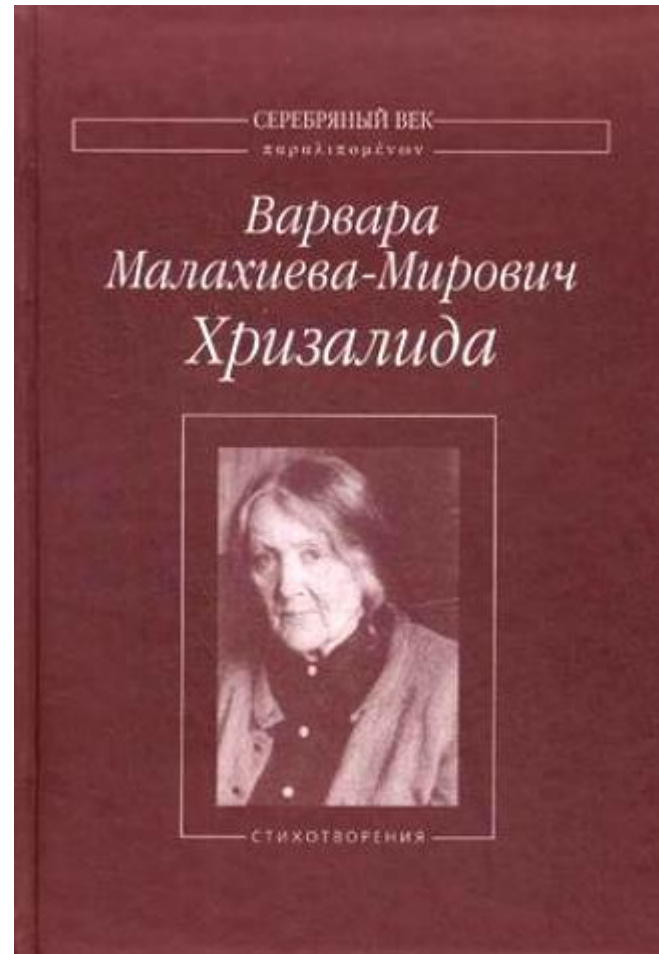

Compilation of Usov's works published in 2011.

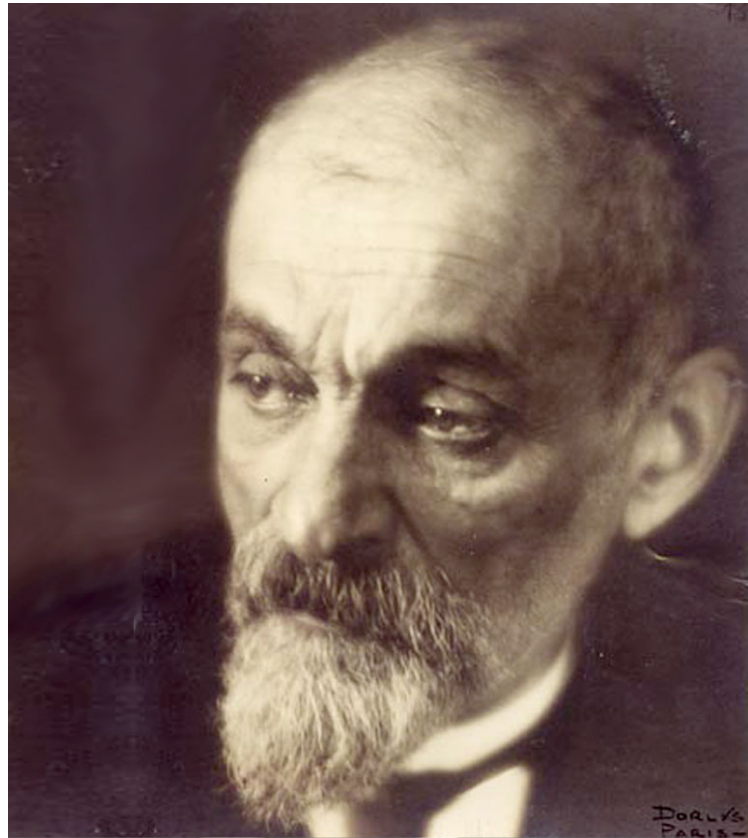
OZON.RU

Varvara Malakhieva-Mirovich (1869-1954)

Lev Shestov

Лев Шестов

В третьем годе
Мучилась я, Пашенька, головой;
Прямо скажу, что была я вроде
Порченой какой.

Голова болеть начинает —
Сейчас мне лед, порошки,
А я смеюсь, дрожу — поджидаю,
Прилетят ли мои огоньки.

День ли, ночь ли — вдруг зажигается
Вокруг звезда за звездой,
В хороводы, в узоры сплетаются,
Жужжат, звенят, как пчелиный рой.

Церковь над ними потом воссияет,
Невидимые хоры поют —
Не то меня хоронят, не то венчают,
Не то живую на небо несут.

И так я эту головную боль любила
Срывала лед, бросала порошки,
Но матушка-сиделка усердно лечила —
Так и пропали мои огоньки.

In the third year
I was having a tormenting headache
I was like someone who had an evil eye
cast on her

Head begins to ache
They bring ice and medicine
And I am laughing, shaking
Will my little lights fly back to me?

Day or naught, all of a sudden they light up
Around them the stars
They make up a circle dance and patterns
They buzz like a swarm of bees

The church will shine over them
Invisible choirs will sing
Is it my burian, or my wedding
Or I am taken to Heaven alive?

And I was so much in love with my headache
I tore off ice and threw the medicine away
But the nurse was diligent
And my little lights disappeared.

В череду умерла старушка.
Простояла всю ночь в череду,
Не дождалась хлеба и села.
На рассвете грянула пушка.
Разбежались все, а она – на льду,
Как живая до полдня сидела.

1919

An old woman died in a line.
She waited all night in a line.
She didn't wait up for the bread and sat down.
At the dawn, a cannon broke out.
Everyone scattered and she sat on ice
As if she were alive.

Всю ночь сегодня я помню, что кошка
Терзает и будет терзать мышонка,
И что прыгал потом под этим окошком
Бурый козленочек.
Янтарноглазый, милый и глупый,
И звали его «Леша».
А сейчас он лежит с ободранной кожей,
И съедят ни в чем не повинного Лешу
В картофельном супе.
Ах, эти страшные супы Вселенной!
Хрустящие кости.
Разъятые члены. Пожиранье и тленье.
Извечный пир на погосте.
И про себя мне вдруг приснилось,
Что варюсь я в кастрюле тесной
С картофелем, луком и перцем,
Но кипящее сердце
Вдруг во мне завопило:
«Ничего, я воскресну, воскресну».

1921

All night long tonight I keep recalling
That the cat has been torturing a little mouse
And that under this window
A brown kid was jumping up and down,
With amber eyes, sweet and silly,
And his name was Lyosha.
And now it's flayed and people
Now he lies there flayed and people
Will eat the innocent kid in their potato soup.
Oh those horrible soups of the Universe
Crackling bones.
Dismembered limbs. Devouring and decay.
Perpetual feast at the gravesite.
And suddenly I dreamed
That I was boiling in a narrow pot
With potatoes, onions and pepper,
But my boiling heart
Unexpectedly squealed inside me
"It's OK, I'll rise from the dead, I will!"

Varvara Mirovich (top left) with her students

Привыкает без руки
Нищий воин жить.
Привыкает в рудники
Каторжник ходить.

Привыкает и слепой
Солнца не видать.
Хочешь – плачь, а хочешь – пой –
Надо привыкать.

1922

A former soldier who is now a beggar
Can get used to life without an arm.
A convict can get used
To working in a mining camp.

A blind man can get used
To not seeing the sun.
Cry if you want, or if you want to — sing
You just have to get used to it.

Mikhail Shik and his wife Natalia Shakhovskaia

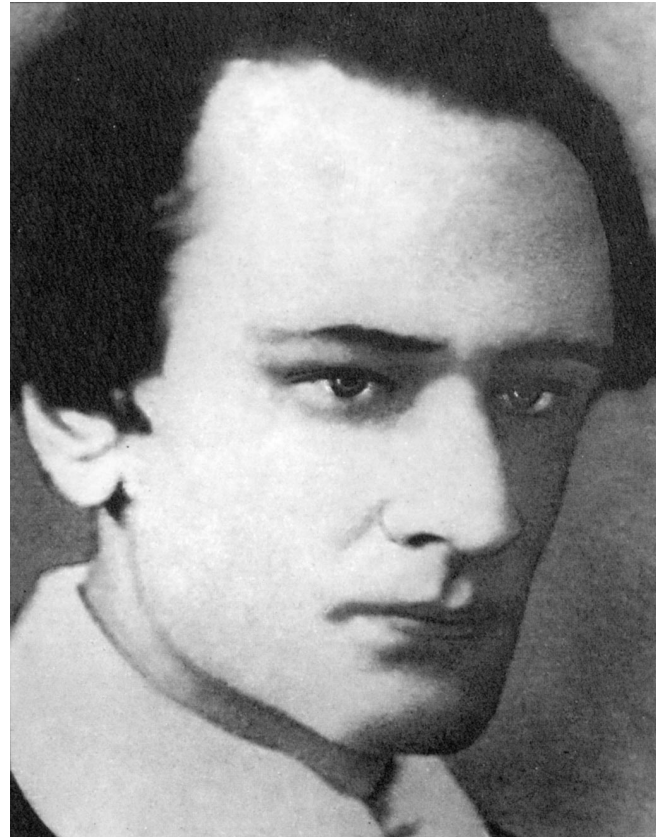

Malakhieva-Mirovich with Shik's children. She called Sergei "zamsyn" (deputy son), considered herself his mother, and devoted many poems to him. Dmitrii Shakhovskoi (right) became a famous sculptor, creator of the monument to Mandelstam.

Семья Шик. Москва, 1946.
Слева направо сидят: В. Г. Малахиева-Мирович,
А. Д. Шаховская, А. Н. Шаховская, Мария Шик; стоят: Николай,
Елизавета, Дмитрий Шик.
Из семейного архива Е. М. Шик. Публикуется впервые

Daniil Andreev

Evgenii Arkhipov

Arkhipov's university friend, poet Prince Andrei Zvenigorodskii and Boris Pasternak

Где б нашей встречи ни было начало,
Ее конец не здесь!
Ты от души моей берешь так мало,
Горишь еще не весь!

Wherever our meeting begins
Its end is not here,
You take too little of my soul
You are not all aflame.

Cherubina de Gabriak (Elizaveta Vasileva, maiden name Dmitrieva)

Arkhipov and his wife at center, surrounded by friends. Up front, Vera Merkurieva, a poet. Up right, Aleksandr Kochektkov

